

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Лучше об этом не помнить

Среди сограждан есть люди, которые с отчаянием и ужасом взирают на нынешнее состояние российского социума. Среди них есть те, кто в дни тридцатилетия событий 3–4 октября 1993 года задается вопросом: не тогда ли были совершены ошибки, что привели к сегодняшнему положению вещей? Известно, что среди тех немногих в России, кого волнует этот вопрос и кто пытается на него ответить, давно существуют противоречия, которые время не смогло ни смягчить, ни разрешить. Осознание этого обстоятельства, как и тщетности апелляции к прошлому ради исправления настоящего, возможно, поможет сменить оптику, увидеть другие объяснения нынешнего удручающего положения и найти средства его исправления.

Почти четверть века исследователи общественного мнения сообщают, что

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА

по меньшей мере две трети россиян одобряют деятельность того, кто возглавляет все это время наше государство. А с февраля 2022 года говорят о росте доли одобряющих до 80% и выше. Однако в ходе углубленных исследований – индивидуальных интервью и фокус-групп – среди этих одобряющих не перестают возникать темы «раскола в обществе», «развала России», «гражданской войны». А это, в глазах почти всех россиян, наихудшее, что может случиться со страной.

Есть еще страх третьей мировой войны, но она представляется событием фантастическим, тогда как гражданская война – реальным. Конечно, в последнее время тему третьей мировой «заземлили» хлесткими словами о том, что она, мол, уже идет или что дело к ней неуклонно идет, что ядерным оружием можно воспользоваться – ограниченно, тактически, ничего страшного. Но все равно, характер мыслей о ней и о войне внутри нашего общества остается совершенно разным.

Попытки расспрашивать, кто с кем будет воевать во внутренней, гражданской, войне, результата не дают. «Ну, те, кто “за”, с теми, кто “против”», – более ясного ответа получить не удастся. Характерно оживление этих разговоров в связи с акцией вагнеровцев. При этом ссылаются не на сами их действия, а на то, как радушно (так говорят) их встретили в Ростове-на-Дону. За что и против чего выступал Евгений Пригожин, ясности нет – ни в прессе, ни у публики. Похоже, сам факт выступления «человека войны» был важнее, это

и был *message*. Можно предположить, что тот иррациональный страх по поводу гражданской войны, который виден по исследованиям, навеян неясным чувством, что она нужна – только не известно зачем. Она не имеет смысла – но она сама ценность.

Это в свою очередь проявляется в иррациональности памяти о той гражданской войне, которая была давно, и о той, которая едва не началась сравнительно недавно, тридцать лет назад. Об иррациональности мы говорим потому, что сегодня не только отсутствует общественное согласие в оценках этих исторических событий, но и наблюдается явный отказ усматривать какой-либо смысл в некоторых из них. Например, в событиях 3–4 октября 1993 года.

Несогласие существует не только между сохранившимися политическими противниками тех лет, но и между теми, кто принадлежит вроде бы к одному политическому направлению – назовем его «демократическим». Самым часто вспоминаемым в этой среде событием является так называемый «расстрел Белого дома»¹. На «демократов» тех лет более поздние (еще более «демократические») критики возлагают грех прерывания только-только начавшегося в России демократического процесса. Переход от демократических процедур к силовым и привел-де нас к нынешнему состоянию.

Мы все знаем о неприменимости солагательного наклона в истории. Однако в социальных исследованиях оно может позволить определить отношение к настоящему через свою версию

1 С опозданием на тридцать лет хочется сделать комментарий к слову «расстрел» как части этой формулы. В российской речевой практике оно к тому моменту было нагружено преимущественно негативными коннотациями и потому пришлось кстати той стороне, которая относилась к соответствующей акции с осуждением. Меж тем оно терминологически не верно, как и симметричная формула «залп “Авроры”». Точнее было бы слово «обстрел», но в нем нет зашитых значений несправедливого действия, убийства безоружных и так далее, которые идеологическим сторонникам хасбулатовского Верховного Совета удалось навязать в том числе и своим оппонентам.

возможного прошлого. Например: если бы не вмешались танки, победил бы Верховный Совет, Хасбулатов и Руцкой. И тогда... Здесь есть две версии. Одна: начался бы красно-коричневый террор, установление соответствующего режима и так далее. Но на это звучат реплики: а что же мы имеем сейчас? Победили «демократы» – а пришли к чему? Другая: сторонники Хасбулатова объективной логикой исторического процесса были бы вынуждены пойти на те же экономические и политические реформы, что были проведены ельцинско-гайдаровским режимом, а там, глядишь, и все общество демократизировалось бы и стало жить хорошо, без родовой травмы насилия.

Однако такие разговоры ведутся лишь в среде, где сохраняется интерес к этим событиям прошлого, где в них ищут причины и истоки сегодняшнего положения дел. Из наших исследований мы знаем, что эта среда очень узка и по отношению к массовому сознанию маргинальна. Для массового сознания наших соотечественников/современников прошлое значимо, но не это. Значимы вообще «девяностые» – первое лицо обозначило их как «лихие», значит, таковыми им и быть. Массам помнится брежневское время как «золотое», как недостижимый идеал покоя и благополучия. Помнятся Великая Отечественная война, теперь в основном как Великая Победа, «великая Российская империя», «великая Россия» – усыпальница великих же императоров и государей: Николая II и Николая I, Петра Великого, Ивана Грозного.

Память об октябрьской революции присутствует, но «великой» ее называют только те, кто эту формулу выучил в детстве; судить, к добру она была или

к худу, сейчас уже не готовы. Память об «империалистической» Первой мировой войне почти отсутствует. И почти отсутствует память о гражданской войне. Меж тем не события 25 октября 1917 года были началом советского периода нашей истории, а именно гражданская война. Октябрьский переворот в Петрограде – незначительный по всем меркам эпизод по сравнению с нею. Несоизмеримы по числу участвовавших в противоборстве политических сил, по числу их политических побед и поражений, по численности участников – и по числу жертв – этот длившийся несколько часов акт и этот длившийся несколько лет процесс.

Советское государство не просто родилось в результате победы большевиков в гражданской войне. Оно буквально было выношено этой войной как новая форма общественной организации, властвования и управления. Из главнокомандующих той войны вышли первые руководители государства, из командиров – первый состав начальников среднего звена. Из того, как ими командовали и как командовали они, выросла система управления.

Все это забыто. Забыто в том числе потому, что не известно, в каком ключе помнить – позитивном или негативном? Кто был прав – красные или белые? Сейчас получается, что и те и другие были «хорошие». Одни – «герои гражданской войны», другие – «благородные участники белого движения». И те и другие были за Россию. Почему воевали друг с другом, уже не понять. Рациональный дискурс не работает, потому его отключают.

Не понять, за что и против чего стояли вокруг Белого дома в 1991 году, а потом в 1993-м. За последние шесть лет, по данным «Левада-центра»², с 23% до 31%

2 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

увеличилась доля россиян, которые не знают или впервые слышат о противостоянии сторонников Ельцина и Верховного Совета 3–4 октября 1993 года. Если число «хорошо знающих» практически не изменилось (было 18%, стало 17%), а число «знающих в общих чертах» осталось на уровне 50%, то объяснить значимое увеличение отвечающих «не знаю» или «в первый раз слышу об этом» можно только нежеланием об этом думать и говорить.

А почему? Потому что неясно, что именно следует думать и говорить об этих событиях, нет связного нарратива. Подчеркнем – речь не о том, что *не следует*, а о том, что *следует*. Официальная точка зрения власти не объявлена, а неофициальная, на которую все чаще ориентируются люди, в данном случае двойственна и потому неясна. Ельцин с кем-то там боролся и победил. Мы наследники этой победы, хотя Ельцина не любим. Некоторые догадываются, что в современной политической ситуации, одобряя деятельность нынешнего президента, они одобряют линию, более близкую позиции Верховного Совета, а не Ельцина. Меж тем Путин, ведущий эту линию, был преемником Ельцина и от этого до сих пор не отрекся. Так что лучше не думать, кто же был тогда прав.

В итоге на вопрос, кто был прав в противостоянии 3–4 октября 1993 года, главный ответ – «и те и другие были неправы», почти 40%. Важно, что общественное мнение по этому вопросу особенно не меняется с момента, когда Путин обрел собственную идентичность – он уже не преемник, он переизбрался и опирается на собственный ресурс поддержки, – то есть начиная, скажем, с 2006-го и до сегодняшнего дня. Еще около 20% во все эти годы выбирают ответ «в какой-то мере и те и другие [правы]». Итого: главный ответ общества – отсутствие

ответа, а точнее, отмена данного вопроса российской истории. А отсюда главный вывод: две трети россиян определенно объявляют ничтожными цели, из-за которых тогда чуть не началась гражданская война.

Для контраста отметим несколько иную позицию меньшинства – группы самых молодых и образованных. Они примечательно часто (среди студентов почти одна пятая) называют правыми сторонников Ельцина, вдвое реже – его противников. Про них можно сказать, что они сознательные наследники той демократической волны. Их немного, но они есть. Тем более значимо, что в молодежной группе максимум сказавших, что не могут сделать выбор, и минимум объявляющих мнения споривших равноправными, а значит, их спор – бессмысленным.

Интерес представляют ответы и другого меньшинства – тех, кто в те дни был уже взрослым и кто сейчас мог бы вспомнить, что тогда думал. Здесь максимум отвечающих, что обе стороны были неправы, здесь в семь раз чаще поддерживают сторонников Верховного Совета, но даже здесь совокупная доля тех, кто занял сторону в несостоявшейся тридцать лет назад гражданской войне (32%), меньше доли тех, кто объявил ничтожным сам спор (39%), который шел у них на глазах и едва не расколол нацию на два воюющих лагеря.

Получается, что гражданский конфликт октября 1993-го не релевантен в глазах людей главным конфликтам современного российского общества. Об этом говорит, в частности, и тот факт, что позиции по поводу событий тридцатилетней давности совершенно одинаковы у тех, кто одобряет деятельность Владимира Путина на посту президента России, и у тех, кто в этом одобрении ему отказывает. (А мнения по этому во-

просу, как показывают многомесячные наблюдения, совпадают с мнениями по поводу СВО.)

Возможно, отсутствие позиции по отношению к событиям 1993 года есть своеобразная форма выражения лояльности президенту: он избегает говорить о своей политической позиции в те годы, ее как бы вообще нет, и публика ему вторит: там не о чем говорить. Но с гражданской – а может, подданнической? – позицией этих людей в отношении реалий сегодняшнего дня все совсем не так. По поводу СВО у них неизменно твердое мнение – поддерживаем.

Насколько же велик раскол в современном российском обществе? Велик ли риск гражданской войны?

Наши опросы показывают, что сегодня у поддерживающей СВО публики отношение к тем, кто после ее начала выходил на антивоенные акции, по преимуществу «нейтральное, безразличное» (44%). Отношение «скорее отрицательное» у 32%, а «скорее положительное» у 18%. Похоже, не все помнят, как власти обходились тогда с протестующими. С мнением, что «власть должна пресекать антивоенные выступления», сейчас согласна почти половина людей старших возрастов, но менее четверти молодых – в среднем получается более трети опрошенных. В этой связи важно, что две трети людей моложе 40 лет и почти половина более старших поддерживали тезис «власть не должна ограничивать свободу слова». Таких проявлений либерализма мы давно не отмечали. Более характерным для нынешнего времени является равнодушие в виде

отказа и от поддержки, и от осуждения, и вообще от суждения³. В адрес уехавших после 24 февраля в массовой публике добрых слов не говорили, многие соглашались с обвинением «предатели», но около половины опять же заявляют о равнодушном отношении к ним.

Но на фокус-группах именно респонденты, лояльные к власти и ее действиям, очень часто говорят о том, что в обществе «раскол». (Насколько велико число «раскольников», они сказать не могут.) Не обязательно быть записным демократом, чтобы не бояться присутствия в стране носителей иных, нежели у большинства, взглядов. Но для тоталитарного сознания это видится угрозой. Видимо, такое сознание нынче у многих, раз о «расколе» шепчут так часто.

Что касается прямо выражающих несогласие с политикой властей (и то не публично, а в ситуации интервью с глазу на глаз на дому у респондента), тех, кто заявил, что в случае массовых акций протеста с политическими требованиями, примет в них участие, – 13%. Заявивших, что они не одобряют деятельность Путина на посту президента России – 17%; что страна движется по неверному пути – четверть; что они не поддерживают действия российских вооруженных сил в Украине – одна пятая.

Наиболее резкое несогласие с политикой России, резонно думать, было выражено теми, кто покинул страну после 24 февраля 2022 года. Сложно оценить их численность, но назвать их оппозицией нельзя⁴ – скорее это диаспора (в изначальном смысле этого слова – рассеяние). Власти правильно понимают, что в таком агрегатном состоянии они не

3 Впору назвать это «толерантностью», если бы это слово не приобрело сегодня у публики совершенно иной остро-пейоративный смысл: неприемлемое для нас терпимое отношение европейцев к однополым бракам и всей реальности ЛГБТ. Претензии к «Гейропе» по этой части оказываются даже сильнее, чем в связи с помощью, которую Европа оказывает Украине.

4 Мы говорим не о тех, кто занимается политической деятельностью, выступает в медиа, пытается и не может прийти к согласию друг с другом. Их десятки. Речь о тех, счет кому был на сотни тысяч, если не более.

представляют опасности (но, побаиваясь – вдруг они все-таки вернуться, – и запугивают Колымой) и не начнут гражданской войны.

Есть те, кто прямо заявляет нашим интервьюерам, что не одобряет деятельность Владимира Путина. Но и они не образуют организованной политической силы, готовой к выступлениям. Согласные в неодобрении первого лица и его политики, сами они политически далеко не едины. Среди них больше всего сторонников КПРФ и ЛДПР, есть небольшая доля сторонников «Яблока»⁵. Единство – и немалое: пятнадцать с лишним миллионов взрослых людей – они образуют не сами, а своими ответами – и лишь в компьютерах «Левада-центра»

и наших пресс-релизах, а далее – в умах тех, кто их прочел и над ними подумал. Угрозы гражданской войны они в таком виде тоже не несут.

Но почему же из раза в раз наши респонденты, заявив о своей лояльности властям, твердят о расколе в обществе и связанных с ним угрозах? Приходится предположить, что этот раскол существует у них в умах. То есть мысль о том, что происходит что-то не то, что за ними нет той правоты, о которой они заявляют, – это подавляемая и вытесняемая из массового сознания мысль. Но, видимо, она сильна, видимо, ее давление ощущается и тревожит. Как и смутная память о событиях 3–4 октября 1993 года.

5 В лице своих руководителей эти партии не дружат, а «на местах», как показывают наши исследования, люди поддерживают их, не вникая в программы, лишь бы они были не «Единой Россией». Впрочем, вся поддержка сводится зачастую даже не к голосованию, а к тому, что они скажут, оказавшись в ситуации интервью, проводимого, повторим, у них дома, строгим, но не казенным порядком.